

По результатам шкалы «Психологическое насилие дома» 64 % участников не подвергались эмоциональному унижению, крикам, оскорблениям или угрозам со стороны родителей или родственников. Дети группы со средним уровнем (18 %) сталкивались с нежелательной критикой, повышенным тоном, обвинениями или игнорированием. Подобные ситуации могут быть следствием эмоционального выгорания родителей или конфликта. Участники третьей группы (18 %) регулярно подвергаются психологическому насилию. Постоянное эмоциональное давление может привести к тревожности, недоверию, снижению самооценки и депрессии.

По шкале «Психологическое насилие в школе» низкий уровень был зафиксирован у 43 % школьников, они не сталкивались с эмоциональным давлением в учебной среде. 22 % указали на нечастые случаи психологического давления со стороны учителей или одноклассников. Такие эпизоды могут быть восприняты как незначительные, однако при регулярном повторении они подрывают самооценку ребёнка и мешают полноценному развитию личности. Наконец, 35 % детей сталкиваются с систематическим психологическим насилием в школе. Это крайне травмирующие факторы, приводящие к социальной изоляции, снижению успеваемости, школьной фобии и тяжёлым психологическим последствиям.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что самой проблемной шкалой в исследовании оказалась шкала «Психологическое насилие в школе». А данные по шкалам, включающие в себя сексуальное насилие показали, что около 90 % подростков не подвергались данной форме воздействия, но все же случаи были выявлены, как дома, так и в школе. Кроме того, результаты свидетельствуют о наличии определённого уровня физического насилия как дома – 18 %, так и в школе – 12 %. В данных шкалы «Пренебрежение нуждами» мы можем видеть, что 27 % (средние и высокие показатели) детей недовольны своим положением, это может быть связано с материальными трудностями в семье, но не стоит исключать и преднамеренное пренебрежение потребностями ребенка.

Литература

- 1 Сафонова Т. Я. Жестокое обращение с детьми: сущность, причины, социально-правовая защита / Т. Я. Сафонова, Е. И. Цымбал. – М. : Дом, 1993. – 242 с.
- 2 Бандура А. Подростковая агрессия / А. Бандура, Р. Уолтерс. – М. : Апрель-Пресс; ЭКСМО-Пресс, 1999. – 480 с.
- 3 Алексеева И. А. Жестокое обращение с ребенком. Причины. Последствия. Помощь / И. А. Алексеева, И. Г. Новосельский. – М. : Генезис, 2005. – 256 с.

УДК 37.013.42:316.772.5:316.362-056.8

Е. С. Меженная

СТОРИТЕЛЛИНГ КАК ИННОВАЦИОННЫЙ МЕТОД В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА СОЦИАЛЬНОГО С НЕБЛАГОПОЛУЧНЫМИ СЕМЬЯМИ

Статья посвящена исследованию сторителлинга как инновационного метода в работе педагога социального с неблагополучными семьями. Выделены ключевые функции сторителлинга: диагностика скрытых конфликтов, снижение тревожности через проекцию проблем, мотивация к преодолению кризисов. Описаны этапы внедрения метода, включая диагностику семейной динамики, адаптацию историй, интерактивные сессии и рефлексия изменений.

В современных условиях социально-экономической нестабильности проблема работы с неблагополучными семьями выходит на первый план. Эти семьи, погруженные в круговорот дисфункциональных отношений, финансовых трудностей и психологических кризисов, напоминают замкнутые системы, где негативные сценарии передаются из поколения в поколение. Социальный патронаж, традиционно направленный на восстановление семейных функций через поэтапное вмешательство, зачастую сталкивается с невидимой стеной сопротивления. Родители, опутанные паутиной зависимостей, и дети, отчаявшиеся найти опору в близких, встречают специалистов недоверием, а иногда и открытой агрессией. Именно здесь, в зоне эмоционального вакуума, рождается запрос на методы, способные говорить на языке сердца, а не инструкций.

Сторителлинг, или нарративная практика, возник как эффективный метод установления эмоционального контакта. Различные аспекты сторителлинга исследовались такими авторами, как Д. Хатченс, К. Фог, К. Будц и Б. Якабойлу, но они не рассматривали его в контексте деятельности педагога социального. Суть сторителлинга заключается в использовании историй для моделирования жизненных ситуаций, рефлексии опыта и формирования новых поведенческих паттернов. В контексте патронажа сторителлинг выполняет несколько функций:

- диагностическая: выявление скрытых конфликтов через анализ личных нарративов;
- терапевтическая: снижение тревожности за счет проекции проблем на персонажей;
- мотивационная: демонстрация позитивных примеров преодоления кризисов [1, с. 62].

Сторителлинг – искусство исцеляющих историй. В отличие от шаблонных бесед, где вопросы звучат как допрос, а советы – как приговор, нарративная практика предлагает диалог через метафору. Представьте мать, годами скрывающую алкогольную зависимость. Вместо прямых упреков педагог социальный рассказывает историю о дереве, чьи корни постепенно отравляются, но однажды находят силу в лучах солнца. Или подростка, замкнувшегося после развода родителей, который через сказку о потерянном котенке, нашедшем новый дом, начинает говорить о своих страхах. Сторителлинг не ломает барьеры – он обходит их, превращая абстрактные проблемы в сюжеты, где каждый может увидеть себя со стороны.

Этапы внедрения сторителлинга в патронажную деятельность включают:

- ознакомительно-диагностический этап – сбор информации о семейной динамике, выявление доминирующих проблем;
- адаптационный этап – подбор или создание историй, релевантных конкретному случаю (например, метафоры преодоления зависимости);
- имплементационный этап – проведение сессий с использованием интерактивных методов (ролевые игры, арт-терапия);
- рефлексивный этап – совместный анализ изменений, закрепление новых моделей поведения [2, с. 87].

Важным аспектом является дифференциация нарративов для разных целевых групп. Для детей эффективны сказкотерапия и визуализация, для родителей – кейс-стади с примерами успешной реабилитации.

Ключевая сила сторителлинга – в его многослойности. На диагностическом уровне истории выступают зеркалом, отражающим скрытые конфликты. Но сторителлинг – не магия, а технология, требующая точности. Его внедрение в патронажную деятельность напоминает создание мозаики. Первый этап – ознакомительно-диагностический – предполагает не сбор сухих фактов, а погружение в мир семьи. Какие сказки читают детям? О чем молчат за ужином? Какие анекдоты повторяют? Эти детали помогают подобрать истории-ключи. Для семьи, где отец воспринимает помощь как унижение, подойдет сага о викинге, принимающем совет мудрого старца. Для подростка, бунтующего против правил, – притча о реке, которая, разрушив берега, теряет силу.

На адаптационном этапе истории превращаются в инструмент диалога. Важно избегать прямых аналогий – они вызывают сопротивление. Вместо этого педагог социальный создает «нарративные крючки». Например, в работе с матерью, отрицающей проблему игровой зависимости у сына, использовалась история о садовнике, который, не замечая тлю на розах, удивлялся их увяданию. Женщина сначала смеялась: «Ну и что, тля – это как компьютерные игры?», но к следующей встрече сама заговорила о необходимости «опрыскать розы».

Имплементационный этап – это всегда импровизация. Групповые сессии с элементами драматизации, где родители и дети вместе сочиняют сказки, раскрывают неочевидные динамики. В одной из семей, где подросток обвинял мать в холодности, совместное создание истории о «ледяной королеве, растопившей сердце» помогло обоим увидеть друг в друге не врагов, а жертв обстоятельств. Иногда достаточно простого вопроса после рассказа: «Кто из героев напоминает тебя?» – чтобы запустить процесс рефлексии.

Рефлексивный этап завершает цикл, превращая опыт в осознанный результат. Здесь педагог социальный не дает оценок, а задает вопросы, помогающие семье самостоятельно проанализировать изменения. Например, после серии историй о преодолении конфликтов родителям предлагается создать «карту путешествия»: отметить точки кризисов, ресурсы и новые возможности. В случае с семьей, где отец страдал от алкоголизма, такая карта включала метафору «горящего моста» (разрушенные отношения) и «лодки» (поддержка социальных служб). На вопрос: «Что бы вы добавили в эту историю сейчас?» – мужчина ответил: «Весла. Раньше я думал, что плыву один, но оказалось – мы гребем вместе».

Отметим, что успех метода зависит от этичности его применения. Сторителлинг – не манипуляция, а приглашение к сотрудничеству. Когда 16-летняя девочка-подросток, пережившая домашнее насилие, отказалась обсуждать историю о спасенной лани, педагог предложила ей придумать собственный финал. Девушка нарисовала, как лань уводит стадо в горы, добавив: «Иногда бегство – это победа». Это стало поворотным моментом в ее терапии [3].

Интеграция сторителлинга в патронажную деятельность позволяет преодолеть ограничения традиционных методов, усиливая эмоциональную вовлеченность клиентов. Сторителлинг в патронажной практике – это не просто техника, а философия диалога. Он не заменяет традиционные методы, но наполняет их смыслом, превращая педагога социального из «проводника правил» в соавтора семейной саги. И как каждая хорошая история, этот метод не дает готовых ответов, но зажигает огоньки надежды в самых темных уголках человеческих отношений.

Таким образом, сторителлинг предлагается как значимый инструмент в арсенале педагога социального, сочетающий гуманистический подход с технологичностью. Его внедрение требует дополнительной подготовки специалистов, но окупается повышением эффективности социально-педагогического сопровождения.

Литература

1 Fog, K. *Storytelling: Branding in Practice* / K. Fog, C. Budtz, B. Yakaboylu. – Luxembourg : Springer Science & Business Media, 2011. – 254 p.

2 Хатченс, Д. 9 техник сторителлинга / Д. Хатченс. – Минск : Издательство Поппури, 2019. – 288 с.

3 Меженная, Е. С. Технология сторителлинга в работе социального педагога с неблагополучными семьями / Е. С. Меженная // Актуальные проблемы современного образования в наследии Л. С. Выготского 2024 : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Гомель, 29 ноября 2024 г. : в 2-х ч. / ГГПК им. Л. С. Выготского ; редкол. : И. В. Сильченко (глав. ред.), [и др.]. – Гомель, 2024. – Ч. 2. – С. 98–102.